

Мэмфорд Л.

Миф машины

Часть книги, опубликовано в «Утопия и утопическое мышление», М., 1991, С.79-97)

Новая социальная организация

В течение третьего тысячелетия до н.э. в культуре человечества произошли глубокие изменения. Возникла история в виде передаваемых от поколения к поколению письменно зафиксированных событий; в некоторых местах в долинах больших рек образовалась новая сеть общественных институтов, которую мы и называем цивилизацией. Археологи пытались объяснить эту трансформацию главным образом как результат технологических изменений — изобретения письменности, гончарного круга, ткацкого станка, плуга, способов изготовления оружия и орудий труда из металла, крупномасштабной культивации зерновых на открытых полях. Гордон Чайлд даже ввел сомнительное понятие "городской революции", обозначающее кульминационный момент развития предшествовавшей "аграрной революции".

Все эти технические усовершенствования, играли весьма существенную роль, но за ними скрывалась куда более важная движущая сила, которой ученые пренебрегли: изобретение мощной социальной организации нового типа, способной повысить человеческий потенциал и вызвать изменения во всех аспектах существования — изменения, которые едва ли могли представить себе мелкие, привязанные к земле общины раннею неолита.

В попытке гипотетической реконструкции предыстории я стремился показать, что каждое техническое достижение было прочно сцеплено с необходимыми психосоциальными трансформациями, предшествовавшими технологическому прорыву и следовавшими за ним; с эмоциональным единением и неукоснительным следованием ритуалу, с началом коммуникации идей в языке, с морализующим упорядочением всех видов деятельности под контролем табу и строгих обычаев, обеспечивающих групповое сотрудничество.

На трех указанных фундаментальных камнях — единении, коммуникации и кооперации — была воздвигнута базовая деревенская культура. Но за пределами ограниченной территории племени или деревни эти основные способы социализации проявлялись лишь спорадически и неэффективно. Сама общинная культура была универсальной, но каждая группа оставалась социальным островом, отрезанным от других групп. Повсюду, где деревенская культура была предоставлена самой себе, она подвергалась окостенению и если впоследствии она вновь начинала развиваться) то это происходило либо благодаря принуждению со стороны более крупного

сообщества, либо путем ассимиляции институтов, просачивавшихся в нее из более высокоразвитых цивилизаций.

Из раннего неолитического комплекса поднялась иная социальная организация, не рассеянная в мелких единицах, но объединенная в большую; уже не "демократическая", то есть основанная не на соседской интимности, обычаях и согласии, но авторитарная, управляемая из центра, контролируемая господствующим меньшинством; не прикованная более к ограниченной территории, но умышленно переходящая границы, чтобы захватить сырье, поработить более слабых, расширить свой контроль, наложить дань на покоренных. Эта новая культура способствовала не только росту богатства, но и экспансии коллективной власти. Усовершенствовав новые орудия принуждения, правители этого общества к третьему тысячелетию до н. э. достигли такой индустриальной и военной мощи, масштабы которой оставались непревзойденными вплоть до нашего времени. В этот период человеческие усилия перемещаются с горизонтальной плоскости деревни и семьи в вертикальную плоскость общества в целом. Новая общность сформировала иерархическую структуру, — социальную пирамиду, включающую от основания до вершины множество семей, множество деревень, множество занятий, нередко множество регионов, и не в последнюю очередь множество богов. Эта политическая структура была базовым изобретением новой эпохи: без нее ни ее монументы, ни ее города не могли быть построены — нужно добавить — без нее не происходило бы так часто их преждевременное разрушение.

Цари как и перво двигатели

К сожалению, большинство наших сведений о царской власти почерпнуто из документов, написанных спустя столетия, даже тысячелетия после изначальных событий. Самые нижние слои раскопок в Иерихоне свидетельствуют, что еще до появления каких-либо видимых признаков царской власти экономика обеспечивала избыток средств, достаточный для строительства большого города и поддержания постоянной занятости его обитателей. Указанные обстоятельства с необходимостью предполагают, что «первобытная демократическая община», как называл ее Фрэнкфорт, достигла весьма высокого уровня развития технической кооперации и мастерства без участия царской власти, возможно при какой-то более мягкой, опирающейся на убеждение форме правления, которая могла возникнуть, по гипотезе Кэтлин Кенион, в более благоприятных климатических условиях, преобладавших в этом регионе после таяния ледников. Недавнее открытие Чатал-Хююка в Турции подтверждает эту гипотезу. Новая форма могла возникать как социальная мутация в сельских общинах, где еще не было сколько-нибудь постоянного разделения труда или строгого деления на касты, а экономическая дифференциация членов сообщества через их профессиональную специализацию, частную собственность и порабощение оставалась минимальной, и возникла до того, как полностью сформировались собственные специализированные институты царской власти, основанные на

принуждении и наказаниях. Такое состояние более или менее соответствует гесиодовскому «золотому веку». Если сказанное верно, то этим может объясняться устойчивая черта ранних царств, различимая в более позднюю эпоху в культуре Нового Света, например у инков: а именно их авторитарный коммунизм, контролируемый государством, но благотельный, воспроизводящий в большом сообществе совместный труд и осуществляющий совместное распределение его продуктов, что характерно для деревни. Те же самые благие намерения и та же принудительная организация лежат в основе современного коммунизма.

Когда царская власть сменила власть сельских общин, их локальные функции оказались сосредоточенными в храме или во дворце. Общественная собственность оставалась общественной собственностью, но теперь она принадлежала богу, воплощенному в личности царя. И когда правитель распределял эту собственность или новую добычу среди своих приближенных, она становилась «частной собственностью» в ореоле царственной, если не божественной святости на протяжении всей истории. «Божья доля» плодов земных, назначаемая храму, выделялась первой — древний обычай, перешедший в форме десятины в средневековое христианство. Однако и каждый член сообщества имел установленную обычаям долю. Пока он служил богам и повиновался царю, он был в безопасности и пользовался определенной долей божественных даров. Нынешнее «государство благоденствия» сохранило — или, точнее сказать, "восстановило" — многие из указанных здесь характеристик. Этот государственно-административный коммунизм характерен, по-видимому, для наиболее ранней стадии царизма: земля, общие функции и общие права перешли под контроль царя, и в случае необходимости его эдикты и законы заменяли древние обычаи местной общины. Ибо через царя община пользовалась милостью богов, и пока народ платил повинности зерном и трудом, защита его была обеспечена. Этот базовый коммунизм засвидетельствован в Египте и Месопотамии, а затем в Перу. Видимо, царизм, опираясь на такие модели, расширяя и укрепляя их, обеспечивал лояльность к жестким элементам своей системы, в которую очень быстро проникло грубое неравенство между рабами, свободными и вельможами, сопровождавшее рост частной собственности.

Солидарность между царем и общиной ценилась выше лояльности к клану, семье и соседям. Это обстоятельство объясняет, почему цари, даже самозванцы, тираны, так часто получали народную поддержку, например, в борьбе против таких второстепенных претендентов на власть, как магнаты и вельможи. Под мистической аурой абсолютной власти ее уникальные институты осуществляли функции, впоследствии перешедшие к «машине».

Вначале такая власть ассоциировалась с идеей наместничества и ответственности перед богами. К 2000 году до н.э. ни один фараон не мог рассчитывать на бессмертие, если он не служил делу праведности и справедливости. В одном из текстов эпохи Среднего Царства Атон заявляет: "Я сотворил великий разлив,

чтобы бедняк получал в нем свое, как и богатый. Я повелел каждому любить своего ближнего". В этой декларации можно увидеть признание постоянного давления с целью не только легализовать, но и морализовать власть: контролировать ее и внушить ей уважение к человеческому существованию.

Так божественный глава иерархии власти вернулся, по крайней мере в принципе, к эгалитарным социальным и моральным идеалам деревни. Правда, эта солидарность всегда отличалась двойственностью: доброта правителя, описанная в египетских текстах, соседствовала с подчеркнутой способностью вызывать ужас и сеять смерть. Однако память о древних общинных атрибутах царизма, быть может, частично смягчала повседневные напоминания о личном произволе и коллективной жестокости. И все же слишком часто, как свидетельствуют документы, чиновники, выполнявшие приказы царя, отождествляли себя с источником власти и, демонстрируя царское высокомерие, не компенсировали его проявлением царской милости.

Более примитивные типы общностей эффективно добивались единства действий, крепко держась устойчивых привычек и древних обычаев: ценой взаимной терпимости был конформизм, а самым суровым наказанием — остракизм. Но чтобы обеспечить исполнение царских приказов через длинную человеческую трансмиссию, оперирующую часто на огромных расстояниях от центра власти, царизм нуждался в более надежных средствах, гарантирующих покорность. Чтобы государственная организация работала слаженно, как единое целое, конформизм должен быть автоматическим и полным.

Но с идеями покорности и абсолютного повиновения, жизненно важными для организации человеческой машины, реальными становятся, однако, и возможности неповиновения, предательства и мятежа. Чтобы обеспечить необходимое уважение освященных небесами санкций царской власти, царизм в конце концов должен был быть готовым прибегнуть к силе, но силе в ее свирепых, садистских формах, постоянно доходящих до кошмарных эксцессов жестокости, столь же бесчеловечной, как невероятные ужасы, вызванные "цивилизованными" правительствами в Варшаве, Освенциме, Токио и Вьетнаме.

Первобытное общество признает в основном только два серьезных преступления: нарушение табу на инцест и убийство. Но в новой системе управления и кодексах законов, введенных царизмом, число возможных преступлений возросло, а наказания приобрели более устрашающий характер. Неповиновение приказам начальника стало считаться худшим из грехов, даже препирательство причислялось к серьезным преступлениям. Если судить по практике индейцев чейеннов, это характерная черта охотничьих племен палеолита: у них одно из трех преступлений — неповиновение приказам вождя при охоте на бизонов.

Не считая убийства и изнасилования, самые ужасные преступления, караемые цивилизованной властью, восходят к «непростительному греху» эпохи царизма — неповиновению властителю. Бесчеловечное принуждение было формой установления царской власти, обеспечения покорности, сбора оброка, налогов и дани. Любой царский режим в основе своей есть режим террора. С распространением царизма эта террористическая основа сформировала некую интегральную часть новой технологии и новой экономики изобилия. Одним словом, за прекрасным сном скрывался кошмар, от которого цивилизация и по сей день неспособна избавиться.

Рождение мегамшины

Невидимая машина

Воздавая должное огромной мощи и размаху обожевленной царской власти как мифа и общественного института, я отложил для более тщательного исследования один ее важный аспект, ее величайший и самый прочный вклад в историю — изобретение архетипической машины. Это экстраординарное изобретение оказалось самой ранней рабочей моделью всех позднейших сложных машин, хотя детали из плоти и крови постепенно заменялись в ней более надежными механическими деталями. Собрать воедино рабочую силу и дисциплинировать организацию, позволившую выполнять работы в масштабах, дотоле невиданных, — таково было уникальное деяние царской власти. Благодаря такому изобретению пять тысяч лет назад были решены грандиозные инженерные задачи, соперничающие с лучшими современными достижениями в массовом производстве, стандартизации и детальнейшем проектировании.

Данная машина оставалась нераспознанной и, естественно, безымянной вплоть до наших дней, когда в мире возник намного более мощный и современный ее эквивалент, использующий великое множество соподчиненных ему машин. Для удобства я буду называть архетипическую форму машины разными именами, в зависимости от конкретной ситуации.

Поскольку компоненты этой машины, даже когда она функционировала как полностью интегрированное целое, были по необходимости разобщены в пространстве, я буду в некоторых контекстах называть ее «невидимой машиной»; когда речь пойдет об использовании ее для высокоорганизованных коллективных предприятий, я буду называть ее «трудовой машиной»; в применении к актам коллективного принуждения и разрушения она заслуживает используемого по сей день понятия «военной машины». Но в том случае, когда в понятие включаются все компоненты — политические, экономические, военные, бюрократия и царская власть — я буду называть ее «мегамшиной», упрощенно: большой машиной. Технические средства, почерпнутые из такой мегамшины, становятся «мегатехникой», в отличие от более скромных и специфических технологий, которые обеспечивали вплоть до

нашего столетия выполнение (иногда с помощью энергетических машин) большей части повседневных работ в мастерских и на фермах.

Люди обычных способностей, полагаясь лишь на мускульную силу и традиционные навыки, могли выполнять широкую программу разнообразных задач, включая и ткачество, без какого-либо управления извне или научных рекомендаций, кроме тех, что черпались из общинной традиции. С мегамашинной дело обстояло иначе. Только цари, опираясь на религиозную санкцию и с помощью астрономической науки, оказались способными построить такую машину и управлять ею. То была невидимая структура, составленная из живых, по крепких человеческих элементов, каждому из которых предназначалась особая должность, роль и задача, что и обеспечило в конечном итоге громадную производительность и грандиозные проекты этой великой коллективной организации.

При зарождении мегамашины ни один второстепенный вождь не смог бы организовать ее и привести в движение. И хотя абсолютизм царской власти покоился на сверхъестественной санкции, сама эта власть не добилась бы столь широкого преобладания, если бы ее притязания не были в свою очередь подкреплены колоссальными достижениями мегамашины. Ее изобретение было наивысшим достижением ранней цивилизации; технологическим свершением, которое послужило образцом для всех позднейших форм механической организации. Эта модель передавалась — иногда целиком и в рабочем состоянии, иногда в упрощенной, приспособленной к обстоятельствам форме — через посредство сугубо человеческих агентов в течение пяти тысяч лет, прежде чем воплотилась в материальной структуре, более соответствовавшей ее характеристикам, и во всеобъемлющей институциональной структуре, охватывающей все стороны жизни.

Понять происхождение мегамашин и ее наследие — означает бросить новый свет как на происхождение нашей современной сверхмеханизированной культуры, так и на судьбу и участь современного человека. Мы увидим, что первоначальный миф машины проецировал в будущее экстравагантные надежды и желания, которые в избытке осуществились в нашу эпоху. Однако в то же время миф навязал нам ограничения, лишения, угнетение и рабскую покорность, которые как непосредственно, так и в результате вызванных ими реакций угрожают нам сегодня последствиями еще более вредоносными, чем в век пирамид. Мы увидим, наконец, что все благодеяния массового производства с самого начала подрывались массовым уничтожением, которое стало возможным благодаря мегамашине.

Хотя впервые мегамашина была построена в период, когда для изготовления орудий производства и оружия начала использоваться бронза, она была независимым от них нововведением: механизация поведения людей в древних ритуалах значительно предшествовала механизации орудий труда. Возникнув, новый механизм быстро распространился, но не только путем подражания и не исключительно в целях

самообороны. Он насильственно навязывался царями, действовавшими так, как могут действовать только боги либо их помазанные наместники. Повсюду, где создавалась мегамашина, она многократно умножала энергию и выполняла работы в масштабе, дотоле непостижимом. Вместе со способностью концентрировать громадные механические усилия в игру вступил новый динамизм, который уже одним импульсом своих достижений покончил с мертвящей рутинной и мелочными запретами мелкомасштабной деревенской культуры.

Энергия, ставшая доступной благодаря новой царской машине, широко раздвинула границы пространства и времени; работы, которые прежде оставались бы незавершенными в течение столетий, теперь выполнялись менее чем за период жизни одного поколения. На плоских равнинах поднялись, повинувшись царскому приказу, творения рук человека — горы из камня и обожженной глины — пирамиды и зиккураты. Весь ландшафт был преобразен и отныне нес в своих четких границах и геометрических формах печать космического порядка и негибимой человеческой воли. Никаких сложных энергетических машин, сколько-нибудь сравнимых с этим механизмом, не существовало в мире вплоть до XIV века нашей эры, когда и Западной Европе стали появляться часы, ветряные и водяные мельницы.

Почему этот новый механизм остался незамеченным археологами и историками? По одной простой причине, уже подразумевавшейся в нашем первом определении: он состоял исключительно из человеческих деталей и сохранял определенную функциональную структуру до тех пор, пока религиозная экзальтация, магическая абракадабра и царский приказ, его создавшие, принимались всеми членами общества как нечто безусловно данное. Когда из-за смерти царя или поражения в битве, распространения скептицизма или восстания мстителей поляризирующая массы сила царской власти ослабевала, разваливалась и вся машина. Затем части ее либо перегруппировывались, образуя более мелкие единицы — феодальные или городские, либо полностью исчезали, как исчезает разгромленная армия, когда, рушится иерархия командного типа.

И сущности эти первые коллективные машины были столь же подвержены поломкам, столь же хрупки и уязвимы, как и теолого-магические концепции, жизненно необходимые для их работы. Поэтому те, кто повелевал машинами, постоянно пребывали в тоске и тревоге, опасаясь, не без оснований, ересей или предательства подчиненных и приближенных, мятежей и мщения угнетенных масс. Без смиренной веры и безоговорочного повиновения царской воле, обеспечиваемой губернаторами, генералами, бюрократами, надсмотрщиками, машина никогда не смогла бы работать. Когда подобные установки невозможно было более поддерживать, мегамашина рушилась.

Человеческую машину уже с момента ее создания характеризовали два фактора: один — негативный, принудительный и слишком часто разрушительный;

другой — позитивный, жизнотворный, конструктивный. Однако факторы второго рода не могли как следует функционировать, если хоть как-то не давали о себе знать факторы первой группы. И хотя военная машина в своей примитивной форме с большой долей достоверности; возникла раньше трудовой машины, именно последняя достигла несравненного совершенства исполнения, не только в отношении количества производимых ею работ, но и в отношении качества и сложности своих организованных структур.

Называть эти коллективные целостности машинами не значит попусту играть словами. Если определять машину — с большей или меньшей степенью соответствия классическому определению Франца Рело — как комбинацию строго специализированных и способных к сопротивлению частей, функционирующих под человеческим контролем для использования энергии и выполнения работы, то эта великая трудовая машина оставалась истинной машиной во всех отношениях, тем более, что ее компоненты, хотя и сотворенные из человеческой плоти, нервов и мускулов, были сведены к чисто механическим элементам и жестко стандартизованы для выполнения ограниченных задач. Плеть надсмотрщика обеспечивала покорность. Такие машины уже были построены — если не изобретены — царями в ранний период века пирамид, в конце четвертого тысячелетия.

Именно благодаря отсутствию связи с какими-либо фиксированными внешними структурами эти трудовые машины обладали намного большей способностью к адаптации, чем их более жесткие механические аналоги — современные конвейеры. И строительстве пирамид мы находим не только первые неоспоримые свидетельства существования машины, но и доказательства ее поразительной эффективности. Повсюду, куда ни распространялась царская власть, «невидимая машина», в своей разрушительной, если не в созидательной форме, следовала за ней. Это так же истинно для Месопотамии, Индии, Китая, Юкатана, Перу, как и для Египта.

К моменту принятия мегамашинной окончательной формы все ее предварительные стадии стерлись, поэтому мы можем только гадать о том, как отбирались, назначались на места и обучались своим обязанностям ее члены. В какой-то момент в этом процессе изобретательный человек, или, вернее, ряд изобретательных людей, следуя первоначальным открытиям, должен был уловить сущность проблемы — мобилизацию большой массы людей и строгую координацию их деятельности во времени и в пространстве для достижения заранее определенной, ясно видимой и рассчитанной цели.

Трудность состояла в превращении случайного сборища человеческих существ, оторванных от семьи, общины и привычных занятий, имеющих собственную волю или, но меньшей мере, намять, в механизированную группу, которой можно было бы манипулировать с помощью команд. Секрет механического контроля заключался в том, чтобы поставить во главе организации единственный мозг с четко определенной

целью, а также в методе передачи приказов вплоть до мельчайших ее подразделений через ряд промежуточных функционеров. Существенно важными были точное воспроизводство приказов и абсолютное повиновение.

Эта грандиозная задача вполне могла быть впервые разработана в квазие военных организациях, в которых относительно небольшая группа подручных, грубо приученных повиноваться вождю, решала задачу контроля над большой массой неорганизованных крестьян. Во всяком случае механизм данного типа никогда не работал без принудительной силы, стоящей за словом приказа. Его методы и структура перешли почти без изменения во все известные нам ныне военные организации. Через армию стандартная модель мегамшины передавалась от культуры к культуре.

Если и имелось единственное изобретение, необходимое для того, чтобы сделать этот механизм пригодным не только для уничтожения, но и для созидательных конструктивных задач, то им было, вероятно, изобретение письменности. Метод перевода речи в графические символы не только сделал возможным передачу импульсов и приказов через систему, но и позволял документально фиксировать случаи невыполнения приказов. Документирование и письменное слово исторически совпадают с овладением операциями с большими числами; и не случайно наиболее раннее использование письменности связано не с передачей идей, религиозных или иного рода, но с храмовым учетом зерна, скота, посуды, ремесленных изделий, хранимых и использованных. Этот процесс произошел рано: надпись на до-династическом жезле Нармера из Ашмолеанской коллекции в Оксфорде сообщает о захвате 120 000 пленников, 400 000 быков и 1 422 000 коз. Этот арифметический подсчет — едва ли не больший подвиг, чем сам захват добычи.

Воздействие на расстоянии, через писцов и скороходов, было одним из отличительных признаков новой мегамшины, и привилегированность профессии писцов объяснялась тем, что машина не могла эффективно использоваться без их постоянных услуг по кодированию и декодированию царских повелений. "Писец направляет каждую работу в этой земле", — говорится в одном из сочинений эпохи египетского Нового Царства. В сущности, писцы, вероятно, играли роль, довольно близкую роли политических комиссаров в Красной Армии. Они поддерживали постоянную связь с политическим штабом, существенно важную для централизованной организации.

Военная ли, трудовая ли машина возникла первой, организованы они были по одному и тому же принципу. Были ли египетские и месопотамские банды угонщиков скота и отряды горняков военными или гражданскими организациями? Вначале эти функции не различались, или, по меньшей мере, были взаимозаменяемы. В обоих случаях основной единицей выступал взвод под командованием взводного. Эта структура преобладала даже во владениях богатых землевладельцев Древнего

Царства. Согласно Эрману, взводы объединялись в роты, маршируя или приводя смотры под собственным знаменем. Во главе каждой рабочей роты стоял главный рабочий, носивший звание вождя роты. Можно утверждать, что в ранней неолитической деревне ничего похожего никогда не наблюдалось. "Египетский чиновник, — замечает Эрман, — не мог воспринимать людей иначе, как в коллективе; отдельный рабочий существовал для него не более, чем отдельный солдат существует для наших высших армейских офицеров". Совершенно верно, то был первоначальный образец архетипической мегамашины, и он ни когда не подвергался радикальным изменениям.

Отмечая разницу между древней человеческой машиной и ее более эффективно дегуманизированными современными соперницами, укажем на разницу как в методе, так и в лежащей в их основе цели. Каковы бы ни были реальные результаты их использования, все современные машины понимаются как трудосберегающие устройства: речь идет о выполнении максимального объема работ с наименьшей затратой непосредственных человеческих усилий. Но при учреждении древних мегамашин экономия труда не играла никакой роли. Напротив, они были трудоиспользующими устройствами, и их изобретатели имели основания торжествовать по поводу растущего числа рабочих, которых они могли — благодаря эффективно проектированию и организации — привлечь к выполнению любой поставленной задачи, лишь бы эта задача была достаточно всеобъемлющей. Общая продуктивность обоих типов машины была одной и той же: они проектировались так, чтобы эффективно и с неуклонной точностью — при избытке мощности — выполнять задачи, которые никогда не могли быть выполнены индивидуальными работниками, использующими инструменты, но более свободно организованными. Оба типа машин достигли недостижимого до того уровня эффективности. Но вместо освобождения труда мегамашин царей его поработила и тем и гордилась.

Если бы возобладали чисто человеческие методы труда, к которым люди прибегали добровольно для удовлетворения своих непосредственных нужд, колоссальные достижения древних цивилизаций, вероятно, остались бы за пределами возможного. Это нужно признать. Возможно даже, что современная нечеловеческая машина, использующая природную энергию и предназначенная для экономии труда, так и не была бы изобретена, ибо прежде чем могла появиться сама полностью механизированная машина, должны были быть «социализированы» механические агенты. Но в то же время, если бы коллективная машина не могла использовать принудительный труд — через периодические рекрутские наборы, либо рабство, — колоссальные неудачи, извращения и потери, столь постоянно сопутствующие мегамашине, могли бы не иметь места.

Исследуем теперь человеческую машину в ее архетипической форме. Как часто случается, первый ее образец отличался известной четкостью, утерянной, когда мегамашинка получила распространение и была включена в более сложные структуры

позднейших обществ, смешиваясь при этом с более скромными пережитками прошлого. И если мегамашина никогда не достигала таких высот совершенства, как в век пирамид, это объясняется, быть может, не только уникальными инженерными талантами людей, создавших первые машины и управлявших ими, но также тем, что миф, сплавляющий человеческие элементы машины, никогда более не мог иметь такой массовой объединяющей силы, не запятнанной вплоть до VI династии какими-либо серьезными разочарованиями и неудачами. Триумфы до того времени оставались неоспоримыми, хронические пороки — нераспознанными.

Среди всех конструктивных достижений, отличавших мегамашину, пирамида стоит особняком как архетипическая модель. В ее элементарной геометрической форме, в совершеннейшей точности, ее (размеров, в организации рабочей силы, просто в масштабах строительства пирамиды полнокровно проявляются уникальные свойства нового технического комплекса. Для описания этих свойств я остановлюсь на одной пирамиде — Великой Пирамиде в Гизе.

Первую каменную пирамиду, построенную в ступенчатой форме (которую мы позднее находим в Мезо-Америке), и крупнейшую пирамиду Хеопса, фараона IV династии — первое и самое долговечное из семи чудес древнего мира, разделяют менее полутора столетий — развитие, сравнимое по темпам с развитием каркасных стальных конструкций в наши дни. На древней временной шкале изобретений самая примитивная форма и самая развитая, никогда более не повторившаяся, практически оказались современницами.

Великая Пирамида — один из наиболее колоссальных и совершенных образцов строительного искусства всех эпох и культур. Даже если не учитывать примитивный характер орудий третьего тысячелетия до н.э., можно сказать, что ни одно сооружение нашего времени не превосходит ее по технической виртуозности или смелости. И, однако, это великое предприятие было осуществлено культурой, только выходящей из каменного века и долго еще пользовавшейся каменными орудиями, хотя долота; и пилы, которыми обрабатывали массивные строительные блоки новых монументов, уже изготовлялись из бронзы. Все операции производились вручную.

Государственные рекрутские наборы, крепостная зависимость и рабство явились существенно важной частью данной системы — они давали необходимую энергию. Даже жрецы, говорит Эрман, не были избавлены от принудительного труда. Основные работы выполнялись специалистами-ремесленниками, которым помогала армия неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих, раз в три месяца набираемых из деревень. Вся работа велась без помощи каких-либо механических устройств, за исключением двух "простых машин" классической механики — наклонной плоскости и рычага, ибо ни колесо, ни ворот, ни винт еще не были изобретены. Мы знаем из графических изображений, что огромные камни перевозились на повозках сотнями людей через пески пустыни. Заметим, что

единственный блок, перекрывающий внутреннюю камеру Великой Пирамиды, где лежал фараон, весит пятьдесят тонн. Сегодня архитектор дважды подумал бы, прежде чем предпринять такой механический подвиг.

При этом Великая Пирамида — не просто внушительная каменная гора с основанием в 755 футов и высотой в 481,5 фута. Это сооружение со сложным интерьером, состоящим из серии коридоров на различных уровнях, ведущих в погребальную камеру. И все ее части выполнены с такой точностью, что, как справедливо подчеркнул Брэстед, она кажется скорее произведением часовщика, чем современного строителя мостов и небоскребов. Каменные блоки соединены швами значительной длины с точностью до одной десятитысячной дюйма, размеры сторон основания у сооружения, занимающего акры пространства, разнятся лишь на 7,9 дюйма. Одним словом, тончайшие измерения, скрупулезная механическая точность, безупречное совершенство исполнения — не монополия нынешнего века. Фараоновская социальная организация, перепрыгнув через пять тысячелетий, создала первую крупномасштабную энергетическую машину общей мощностью от 25000 до 100000 человеческих сил, что соответствует минимум 2500 лошадиных сил.

Это расширение масштабов во всех направлениях, этот рост верхнего предела человеческих сил, это подчинение человеческих склонностей и интересов механическим трудовым задачам, это объединение множества подданных вокруг единой цели вытекали только из одного источника божественной власти царя. Перводвигателем был царь, или, точнее, царизм. В свою очередь грандиозный, бросающийся в глаза успех царских предприятий подтверждал эту власть.

Такой строгий и всеобъемлющий порядок начинался, нужно помнить, с неба: с осознания предсказуемости движений Солнца и планет или, если верна старая догадка Зелии Паттол, с еще более устойчивого и предсказуемого положения Полярной звезды. В гигантских коллективных работах, как и в храмовых церемониях, именно царь требовал абсолютной покорности и карал даже пустяковое неповиновение. Именно царь — и он один — имел богоподобную власть превращать людей в механизмы и собирать воедино эти механизмы в машине. Порядок, передававшийся на землю с неба через даря, доводился до каждой детали машины и со временем создал механическое единство, которое легло в основу других институтов и видов деятельности: в них начала проявляться та же регулярность, которая характеризовала движение небесных тел.

Монополия власти

Чтобы понять структуру и функционирование человеческой машины, недостаточно рассмотреть лишь вопрос о том, где она материализовалась. Даже наша нынешняя технология с ее обширной сетью реальных машин не может быть понята только в этих рамках.

Чтобы заставить машину работать, необходимы были два средства: надежная организация знаний, естественных и сверхъестественных, и развитая система отдачи, исполнения и проверки исполнения приказов. Первое воплощалось в жречестве, без активной помощи которого институт царизма не мог бы существовать; второе — в бюрократии. Обе организации были иерархическими, на вершине иерархии стояли первосвященник и царь. Без их объединенных усилий институт власти не мог бы эффективно функционировать. Это условие остается истинным и сегодня, хотя наличие автоматизированных фабрик и компьютеризированных цехов маскирует и человеческие компоненты, и религиозную идеологию, жизненно важную даже для современной автоматизации.

То, что теперь назвали бы наукой, с самого начала было интегральной частью новой машинной системы. Упорядоченное знание, основанное на космической регулярности, расцвело вслед за культом Солнца: наблюдение звезд и создание календаря совпали с установлением царской власти и укрепили ее, хотя немало сил жрецов и прорицателей посвящалось и толкованию уникальных событий — появлению комет, солнечным и лунным затмениям или таким изменчивым природным явлениям, как полет птиц или состояние внутренностей жертвенных животных.

Ни один царь не мог бы действовать эффективно и уверенно, не имея поддержки организованного "высшего знания", — не более, чем Пентагон мог бы действовать сегодня без поддержки своих экспертов: ученых и инженеров, специалистов по теории игр и компьютерам — новой иерархии, теоретически более надежной, чем гадатели по внутренностям, по практически, гудя по се грубым просчетам, — не слишком.

Чтобы быть эффективным, такое знание должно было оставаться тайной жреческой монополии. Если бы все имели равный доступ к источникам знаний и системе их интерпретации, никто не стал бы верить в их непогрешимость, поскольку ошибки невозможно было бы скрыть. Поэтому шокирующий протест Инувера против повстанцев, свергнувших Древнее Царство, основан на том, что "тайны храма лежали открыто", то есть повстанцы обнародовали "закрытую информацию". До изобретения книгопечатания письменное слово оставалось преимущественно классовой монополией. Сегодня язык высшей математики и компьютеризация восстановили и секретность, и монополию знаний с последующим воскрешением тоталитарного контроля над ними.

Не в последнюю очередь родовая связь царской власти с культом Солнца выражалась в том, что царь, как Солнце, применял силу на расстоянии. Впервые в истории власть оказалась эффективной за пределами досягаемости руки или голоса. Никакое оружие не могло бы само по себе дать такую власть. Необходим был некий трансмиссионный механизм: армия писцов, глашатаев, управителей, надзирателей, руководителей, крупных и мелких чиновников, само существование которых зависело

от точного исполнения приказов царя или его могущественных министров и генералов. Иными словами, хорошо организованная бюрократия есть интегральная часть мегамшины: группа людей, способных передавать и выполнять приказы с ритуалистической пунктуальностью жреца и бездумным повиновением солдата.

Вообразить, что бюрократия — сравнительно недавний институт, значит игнорировать анналы древней истории. Первые документы, свидетельствующие о существовании бюрократии, относятся к векам пирамид. В надписи на абидосском кенотафе некий чиновник Пени I, фараона VI династии, около 2375 г. до н.э. сообщает: "Его величество послал меня во главе армии, в то время как начальники округов, хранители печатей царя Нижнего Египта, чиновники Дворца, номархи [губернаторы] и старейшины, компаньоны и главные переводчики Верхнего и Нижнего Египта, главные прорицатели Верхнего и Нижнего Египта, Главные Бюрократы стояли (каждый) во главе отряда войск Верхнего и Нижнего Египта или деревень и городов, которыми они правили".

Этот текст не только подтверждает наличие бюрократии, но и указывает, что разделение труда и специализация функций, необходимые для эффективных механических операций, уже имели место.

Развитие бюрократии началось по меньшей мере тремя династиями раньше и не случайно именно со строительства громадной каменной пирамиды Джосера в Саккаре. В книге "Непобедимый город" Джон Уилсон замечает: "Мы приписываем Джосеру не только начало монументальной каменной архитектуры в Египте, но и создание нового чудища — бюрократии". Это не было простым совпадением. У.Ф.Олбрайт указывает, что "большое количество титулов, обнаруженное на печатях I династии... несомненно, предполагает существование сложной системы чиновничества какого-то определенного рода".

Коль скоро была учреждена иерархическая структура человеческой машины, исчезли и теоретические пределы численности рабочих, которых она могла контролировать, или власти, которую она могла употреблять. Уничтожение человеческих измерений и органических пределов составляет, в сущности, главный предмет гордости авторитарной машины. Своей производительностью она отчасти обязана безмерному физическому принуждению, применявшемуся, чтобы преодолеть человеческую лень или физическую усталость. Необходимым шагом при запуске человеческой машины явилась строгая специализация: только интенсивным сосредоточением мастерства на каждом этапе процесса можно было достичь сверхчеловеческой точности и совершенства результатов. Крупномасштабное разделение и специализация труда в современном индустриальном обществе берут начало именно в этой точке.

Римская максима, гласящая, что закон не занимается повседневными пустяками, применима и к мегамашине. Силы, приводимые в движение царем, требовали коллективных предприятий соизмеримого порядка: грандиозных земляных работ с целью поворота рек, прокладки каналов, возведения стен. Как и в современной технологии, эта машина все прочнее устанавливала свой диктат цели и исключала более скромные человеческие нужды. Изначально человеческие машины были большими и безличными (если не умышленно дегуманизированными); они должны были действовать в больших масштабах или не могли работать вовсе, ибо никакая бюрократия, самая что ни есть эффективная, не могла даже мечтать о непосредственном управлении тысячами мелких мастерских и ферм, где каждую отличали собственные традиции, ремесленная квалификация, своя своенравная личная гордость и чувство ответственности. Поэтому жесткий контроль, проявляющийся в коллективной машине, был до нашего времени ограничен рамками грандиозных массовых предприятий и крупномасштабных операций. Этот врожденный эффект ограничивал распространение мегатехники до тех пор, пока не были изобретены механические заменители живых операторов.

Важность бюрократической связи между источником власти — божественным царем — и человеческими машинами, строящими и разрушающими, едва ли можно преувеличить, тем более, что именно бюрократия ежегодно собирала налоги и дань, поддерживавшие новую социальную пирамиду и принудительно вербовала рабочую силу, составлявшую новый механизм. Бюрократия, в сущности, была третьим видом "невидимой машины" — можно назвать ее коммуникационной машиной, — сосуществующей с военной и трудовой машинами и входящей как интегральная часть в конечную тоталитарную структуру.

Одно из важных свойств классической бюрократии в том, что она ничего не порождает: ее функция — передавать без изменений и искажений приказы, поступающие сверху, из главного штаба. Никаким данным местного порядка или простым человеческим соображениям не позволено вмешиваться в этот негибкий передаточный процесс. Только коррупция или прямое восстание могут модифицировать эту жесткую организацию. Подобный административный метод требует, в идеале, усердного подавления всех автономных функции личности, готовности выполнять повседневные задачи с ритуальной точностью. Не впервые, как мы видели, ритуальный порядок входит в трудовые процессы. И кажется в высшей степени сомнительным, чтобы подчинение серой монотонности могло быть достигнуто именно в этот период, если бы ему не предшествовала тысячелетняя дисциплина религиозного ритуала.

На деле бюрократическая регламентация была частью более широкой регламентации жизни, введенной этой сосредоточенной на власти культурой. Ничто так не проясняют тексты пирамид с их утомительным повторением формул, как колоссальную способность переносить монотонность: способность, предвещающую

ник всеобщей скуки, достигнутый в наши дни. Эта вербальная принудительность — психическая сторона систематического общего принуждения, вызвавшего к жизни трудовую машину. Только люди, в достаточной степени покорные, чтобы выносить регламентацию, или достаточно инфантильные, чтобы получать от нее удовольствие, на каждом этапе — от приказа до исполнения — могли стать эффективными компонентами человеческой машины.

Возвеличивание личности

Признаки такого космического механического порядка распознать нетрудно. Прежде всего, как отмечалось выше, изменился масштаб деятельности. Привычка “мыслить крупными категориями” появилась вместе с первой человеческой машиной, ибо сверхчеловеческий масштаб сооружений возвеличивал верховную власть. В то же время он сокращал видимый масштаб и важность всех необходимых человеческих компонентом, за исключением побуждающего к действию и организующего центрального элемента — самого царя.

Парадоксальным образом монополия власти принесла с собой монополию личности, ибо только царь был наделен всеми атрибутами “личности”, как инкорпорированными в общинной группе, так и теми, которые, по-видимому, как раз в эту эпоху и начали медленно зарождаться в человеческой душе, проклевывавшейся теперь сквозь социальную скорлупу, в которой проходило ее эмбриональное существование.

На этой, самой ранней, стадии личность и власть выступают нерасчлененными: обе были сосредоточены в царе. Ибо только суверен мог принимать решения изменять древние местные обычаи, возводить сооружения и добиваться коллективных успехов, которые прежде были не то что недостижимы — немыслимы. Одним словом, суверен мог вести себя как ответственная личность. У него была возможность рационального выбора, он, был свободен от соблюдения племенного обычая, мог, когда того требовала ситуация, презреть конформизм, узаконить отклонения от установленного предками шаблона. Как и первичная монополия царя — монополия на бессмертие, некоторые из этих привилегий должны были со временем — под давлением снизу — перейти ко всей общине. Но сейчас важно отметить возвеличивание: превзойдены были все старые меры величия, раздвинуты физические границы деревенского кругозора и маленькой группы. Отныне небо стало пределом, а город — целым миром, стоящим во всех отношениях ближе к небесам.

Как и на практике, так и, еще более, в фантазии это возвеличивание расширялось до сказочных временных и пространственных масштабов. Крамер отмечает, что в ранних династиях легендарным царям приписывался невероятно длительный период царствования: на восьмерых царей до потопа приходится около четверти миллиона лет; на первые две династии после потопа — двадцать пять тысяч

лет. Египетские жрецы еще оперировали подобными периодами в эпоху Геродота и Платона. Даже в плане чистой фантазии это большие числа. Новая культурная характеристика достигла пика в абстрактных вычислениях майя. Томпсон сообщает нам: "На одной стеле в городе Квиригуа точные вычисления возвращают нас на 90 миллионов лет назад, на другой дошедшая до нас дата отстоит от нас приблизительно на 400 миллионов лет".

Но эта раздвинутая хронология была только светской стороной более общей экспансии власти, символизированной в царских притязаниях на бессмертие. С момента его зарождения в Египте оно считалось исключительным атрибутом божественного царя, хотя в Шумере, где все придворные одновременно были принесены в жертву в царской гробнице в Уре (вероятно, чтобы сопровождать властелина в иной мир), слуги и министры царя; могли также разделять надежду на бессмертие.

В шумерском мифе о потопе царь Зиусудра (эквивалент Ноя) награждается богами Аном и Энлилем не символической радугой, но вечной жизнью, — "как бог". Стремление к беспредельной жизни явилось частью общего раздвижения пределов, к которому привело первое великое сосредоточение власти с помощью средств, созданных мегамашинной. Человеческие слабости и прежде всею смерть были оспорены и отвергнуты.

Но если биологическая неизбежность смерти и распада смеется над инфантильными фантазиями абсолютной власти, которые обещала реализовать человеческая машина, жизнь издевается над ними еще злее. "Вечная жизнь", где нет ни зачатия, ни роста, ни созревания, ни распада — существование, столь же застывшее, бесплодное, лишённое любви, бесцельное и неизменное, как у царской мумии, — и есть не что иное, как смерть, только смерть в иной форме. Что это, как не возвращение к неподвижности и застылости стабильных химических элементов, еще не объединившихся в молекулы, достаточно сложные, чтобы породить новизну и творчество? С точки зрения человеческой жизни, да и любого органического существования, эти притязания на абсолютную власть были признанием психологической незрелости, полной неспособности понять естественные процессы рождения и роста, созревания и смерти.

Культовые старших богов плодородия никогда не боялись смерти, они не строили из камня монументальную пародию на жизнь, но обещали возрождение и обновление в ритмическом природном порядке. Царская власть обещала лишь напыщенную вечность смерти. Если бы боги власти не победили, если бы царская власть не нашла способа расширить масштабы деятельности человеческой машины и тем самым возвысить царские притязания на абсолютное повиновение, весь дальнейший путь цивилизации мог бы быть иным.